

Лилия Макеева

миллионер

Лилия Макеева
Бедный миллионер

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Макеева Л.

Бедный миллионер / Л. Макеева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Молодая женщина получает в подарок от друга путешествие на Канарские острова. Оказавшись на острове Гран Канария, она сразу попадает в водоворот приключений. Непредвиденное знакомство с миллионером оборачивается стрессом, и вместо трепетных ухаживаний героиня выбирает полную независимость. Но расслабиться ей не удастся. Судьба подкинет новое испытание.

Лилия Макеева

Бедный миллионер

Отпуск Лена Савина заслужила. Девять месяцев подряд ей приходилось изо дня в день, в том числе по воскресеньям, находиться в рабочей форме. Отсутствие графика не умаляло напряженности труда. Но все окупилось.

Цифра "девять" была ее цифрой, которая, похоже, и повлияла на благополучный исход событий. Получилось, что галерею свою она не просто открыла, а по-своему родила.

Спонтанную идею открыть картинную галерею подбросил бывший муж. За шестнадцать совместно прожитых лет он достаточно хорошо изучил эту женщину, чтобы смело давать ей советы. После давнего развода им удалось сохранить цивилизные отношения – без особого тепла, но с искренним уважением к жизням друг друга. И когда Лене не хватало решительности для какого-либо серьезного шага, она советовалась не с подругами, а с ним, с Игорем.

– Слушай, я тут покумекала и задумала открыть свое дело. А поскольку с бизнесом я на "вы", мне бы хотелось обойтись без сугубой торговли. Может, мастерскую по ремонту одежды? Позвала бы Иру, она профессиональная швея, а я бы творческие идеи подавала – допустим: как из старой юбки сделать новую, или из платья, вышедшего из моды – новинку сезона. Я ведь тоже шью неплохо, если ты помнишь.

– Помню. Особенно на руках. У меня до сих пор на синем джемпере тобой отреставрированная дырка... нет, петля – как новая.

– Ох, приятно! Значит, я продолжаю жить в твоём сердце?

– Ну, в джемпере – точно, – уклонился Игорь на всякий случай. – Знаешь, что? Тем не менее, не твоя это стезя. Хочешь совета, я тебе его дам и сильно прошу взять. Можешь даже считать, что я этого требую – на правах близкого человека.

– Интересное начало, интригующее. Я вся – одно большое ухо, как говорят мои друзья-немцы.

– Только сразу не реагируй. Просто выслушай. А выскажешься, когда идея будет оглашена.

Игорь слыл блестящим адвокатом, и в нем давно сидел Цицерон. В свое время этот его дар и произвел на двадцатилетнюю Лену неизгладимое впечатление. Она заслушалась рюдами его речей в первый же вечер их знакомства. Игорю не помешало даже волнение, обуявшее его, когда Лена, в которую он сходу влюбился, оказалась на расстоянии вытянутой руки. – Так вот. Ты продаешь машину.

– Как?

– Стоп. Мы договорились, что теперь ты – не ты, а одно больше ухо.

– Да, извини.

– Аргументы "за" и "против" – только после воодушевленной речи оратора. На вырученные деньги ты снимаешь помещение в центре – небольшое, но уютное. Приводишь его в порядок при помощи твоей кипучей энергии и декорируешь со свойственным тебе вкусом. Звонишь твоему и нашему старому другу и всегда молодому человеку Малютину и отбираешь из его работ пятнадцать-двадцать штук, включая поделки из папье-маше. И, после некоторых приемлемых для тебя усилий, как то: подготовка прайс-листа, печать билетов и проспектов, обзвон всех, кого не лень, и так далее в этом духе, ты открываешь свою галерею.

– Господи, Игорь, у меня похудеть никак не получается, а ты – галерею!

– У тебя есть для этого все: друзья-художники, образование, коммуникабельность, художественный вкус, чувство стиля и меры и, в конце концов, женский шарм. Да, чуть не забыл –

еще ты располагаешь той необходимой хваткой, без которой ни одно дело на ноги не поставить. Что примолкла? Не нравится мое выступление? Недохвалил?

– Да... Нет слов. Вот зачем ты остался в моей жизни. Чтобы я могла время от времени примолкнуть. Слушай, ты так доходчиво и легко преподнес, что я как-то и вправду прониклась этой смелой идеей. Даже представила, как эти несколько лучших работ Малютина будут расположены! И что внешняя стена будет до полу стеклянной. Игорек, не зря я тебя кормила минимум два раза в день!

– Подожди, это еще не всё. Ты ведь меня не только кормила. – Голос Игоря загустел и прозвучал на тон ниже. – Лена, за этой стеклянной стеной ты сажаешь своего приятеля... забыл имя... ну, того, что вышивает...

– Славу?

– Да, Славу. Сажаешь так, чтобы его было видно. Он сидит у тебя хотя бы три часа в день и вышивает себе на здоровье, время от времени кидая через стекло на улицу отрешенный взгляд увлеченного творца и сопровождая свое таинство радушной улыбкой. Холст его расположен таким "макаром", что замороженному прохожему хочется заглянуть – а что же там-то? Прохожий входит – и ты процветаешь, очень скоро. Максимум полгода – и ты в порядке. Новую машину не гарантирую, да ты ведь и не слишком охвачена страстью к рулю.

– Слушай, я потрясена. Ты когда все это придумал?

– Долгими, томительными ночами, мечтая о тебе, – засмеялся Игорь. – Ладно, не обольщайся. Если серьезно, мне это в голову влетело мгновенно. Как озарение. Не реализуешь идею, разговаривать с тобой не буду. Ты меня знаешь. Я бываю жестким.

– Бываешь... Ой, надо обдумать. Примериться. А вдруг денег не хватит?

– Продашь кольцо и колье, что я тебе дарил. Всё равно перестала носить.

– Что ты! Это же память.

– Память у тебя, смею надеяться, в душе и в нейронах мозга. А вещь должна служить человеку.

– Ох, Игорь, Игорь... Я подумаю, – произнесла Лена, зная, что оратор, в процессе разговора обратившийся в оракула, прав, как всегда. Хотя бы потому, что Лена на удивление быстро прониклась его идеей, в которой не было ничего парадоксально-нелепого.

То ли дар Игорева слова так внушительно сработал, то ли он и впрямь изучил бывшую жену до мозга костей, но воображение Лены стремительно подхватило брошенный "мяч" и с виртуозностью Лионеля Месси принялось упражняться с ним, втайне ликуя. Червь сомнения лишь робко поднял голову.

– Игорь, а если проект провалится?

– Когда провалится, тогда и будешь думать, что делать дальше.

– Здравствуйте! Тогда поздно будет думать.

– Во-первых, думать никогда не поздно. Во-вторых, это не столь рискованный проект. А в третьих, в случае провала, во что я не верю, беру амортизацию на себя. На этой оптимистичной ноте позвольте откланяться, ибо мне уже пять минут, как некогда.

– Да-да, извини, беги. Спасибо тебе! Буду думать.

– Лучше сразу действуй. Я вместо тебя уже полпути прошел. Помнишь, кстати, что Володька подарил жене, с грандиозной надписью? Кувалду, на которой выгравировал: "Куй, любимая"!

– Игорь! Я начинаю жалеть, что мы развелись. Ты сегодня в изумительной форме!

– Спасибо, Ленк, ты никогда не скупилась на похвалы и ласки. Все, отбой. До связи. Сегодня же звони Малютина и Славе!

– До связи.

Она многим была ему обязана. Ребро Игоря оказалось прекрасным исходным материалом, из которого он, сообщая с природой и Богом, смастерил из Лены Женщину. Но расстались они все-таки, расстались... Потому что оба были честными людьми, а брак их превратился в рутину. Он – педант, до занудства. Она – натура творческая, импульсивная. Зачем мешать друг другу двум цивилизованным мирам?

Мысль материальна. Решившийся на низкий старт обретает дополнительный ресурс. Как в песне Розенбаума: "С низкого уходишь быстрее". И Лена рванула так, словно ее наскипидарили в самых действенных местах. Игорь, четко сформулировавший программу, впечатал ее в "план" Вселенной.

Она подошла к зеркалу и придирчиво стала в себя всматриваться. Открытое лицо, волнистые белокурые волосы, выразительные брови, огромные серые глаза в темных ресницах, еле заметные морщинки в уголках глаз, волевой рот с припухлой нижней губой – ну, да... есть данные для успеха. Игорю верить можно. И если не сейчас, то когда? Активный возраст тоже не безразмерный... Идет год Быка. Надо взять его за рога! Лена улыбнулась и подмигнула себе.

Недавно отремонтированная машина ушла хорошо. Помещение с той загаданной стеной нашлось довольно быстро. Малютин, артистично вскинув бровь, стремительно отобрал и с радостью предоставил картины и огромную вазу цвета шампанского из папье-маше. Типография в Туле не задрала цену. А Слава, мало кому показывавший свои уникальные работы, с отчаянием эксгибициониста сел перед стеклом в позицию и не позволил себе смущаться, когда его разглядывали любопытствующие. Он понукал сам себя, напевая одну из любимых песен: "Оглянись, незнакомый прохожий, мне твой взгляд неподкупный знаком...", чем сильно веселил Лену, любившую эту песню не меньше.

Из нее получилась вдохновенная галеристка. Игорь – как в воду глянул. Наверное, он все-таки продолжал ее любить. Во всяком случае, бывший муж смотрел на Лену во время первой презентации, как минимум, с отеческим восхищением. Она отвечала благодарными флюидами.

Ее консультировали друзья-артисты Малютина и друзья друзей. Она обнаружила талант общения и в два прихлопа-три притопа обросла нужными связями. В долгах, как в шелках, она, наконец, похудела и выглядела превосходно. Доза адреналина сверкала в глазу и сияла на коже.

Ира превзошла самое себя и сшила для подруги на первое время два самых важных наряда: элегантное, кораллового цвета платье для презентаций, с открытой спиной, и деловой костюм-тройку, универсального цвета "беж", который Лена удачно комбинировала, оставаясь довольна своим обликом каждый день. Когда взгляд на себя в зеркале блуждал или тускнел, она демонстрировала мастерство аксессуара, дополняя образ выразительным шарфом или приколотым к лацкану жакета замысловатым цветком из материи.

Она нашла себя в новом деле настолько, что ее галерея за полгода вторглась в десятку самых посещаемых, а ей самой предложили фотосессию в Мюнхене, с подачи немецкого слависта, Рихарда, с которым она дружила еще со времен студенчества в институте Мориса Тореза. Профессия переводчицы пригодились ей в совершенно иной плоскости. Владение двумя чужими языками умножило предоставленные шансы, и ее посетителями стали чопорные немцы, остроумные англичане и даже один дирижер из Австрии, говорящий на шести языках и прежде всего – на языке любви к искусству.

Фотосессия в Мюнхене, черно-белая, по настоянию фотографа, исповедующего отказ от цвета в угоду контрасту и светотени, стала для Лены событием. Из трехсот фотографий выделялись три снимка, где она выглядела не просто звездой, а таинственной, глубокой, цельной, артистичной и манящей женщиной. Может быть, она такой и была, просто жила, не зная об этом?

Если учесть возраст, в который она вступила – сорок три года, – то новый период стал апогеем ее жизни. И пускай доход от мероприятий все еще оставлял желать лучшего, свои дивиденды в виде тонуса и самодостаточности она уже получила. Но если бы только это!

Благодарный ей Славик, одним прекрасным днем, когда солнце заливало собой галерею, продал свою картину, выполненную в неподражаемой манере и необычной технике, за невероятную для него сумму в семь тысяч долларов и поделился с Леной сверх положенного по контракту.

– Дорогая Лена, – сказал он с той самой улыбкой, что щедро бросал прохожим на улицу, – ты подарила мне приключение, дала мне такую возможность, и я хочу тебе тоже подарить... отпуск. Ты давно рвалась на Канарские острова. Сделай это! Я вношу свою долю, семьсот долларов и прошу не отказываться. Давай, осваивай, Канары, они нам пригодятся. Рынок сбыта, как-никак.

– Слава, милый, это же много! Ну, ты даешь.. Правда, мне кажется, туда один только билет столько стоит... Но отпуск мне действительно дико необходим.

– Вот и определились. За галерею не волнуйся, беру на себя. Только оставь указания – куда, чего, сколько...

– Справишься, честно? Ты же считать не умеешь, настоящий художник не от мира сего...

– А я калькулятором воспользуюсь!

Дают – бери, бьют – беги. Никем не опровергнутое правило Лена уже проверяла на собственной шкуре в обеих ипостасях. Почему бы текущий год не сделать годом Канар? Срастается каждая деталь в сложившейся канве. А главное – есть, на кого оставить дело. Славик не зря вышивал уникальные картины бисером. Его скрупулезность и усидчивость внушали доверие.

Немец Рихард на протяжении жизни исполнял для Лены роль палочки-выручалочки. Еще будучи студентами, они пришли к выводу, что романтическое приключение им не грозит, а вот на нежную дружбу оба могли бы с легкостью претендовать. И таки претендовали. Привыкшая готовиться к событию тщательно, Лена позвонила в Мюнхен. – Рихард, привет! Как успехи?

– О, привет, красавица! Спасибо, все идет, идет... А у тебя?

– Жаловаться – тяжкий грех, а мне так особенно. Галерея не простаивает. Недавно продала картину, удачная получилась сделка. Я, впрочем, звоню по делу, так сказать.

– Говори!

– Ты был на Канарах?

– Был, пять лет назад. А что?

– Понравилось? Там какой климат?

– Очень понравилось, и климат больше всего. Но я был только на одном из семи островов.

Говорят, он – наиболее интересный.

– Какой, скажи? Я хочу туда в отпуск полететь.

– Гран Канария, самый южный и довольно большой. А там местечко Пуэрто Моган.

– Спасибо, Рихард. Послушай, у тебя там знакомых не образовалось?

– Да как тебе сказать... Нет, но я попробую поговорить с приятелем, у него там яхта стоит, и он наверняка кого-то знает. Ты хочешь снять апартаменты?

– Ну, да. Думаю, так будет экономичней. Отель я не потяну, а в дешевый не хочется. Знаешь, несостыковка потребностей с возможностями.

– Понимаю, Лена. Позвони мне завтра вечером, о кей?

– О кей. Спасибо, Рихард!

– Пока не за что...

Мысль – действие – результат. Эта невычурная цепочка сложилась в пользу Лены, как подтверждение того, что она сделала правильный выбор места и действия. Канары не про-

сто поманили, а зазывали всем, чем владели: Атлантикой, пляжами, пальмами, экзотическими фруктами, климатической особенностью, а сверх того – тем, что немцы лет сорок с хвостиком назад облюбовали и освоили эти острова, где теперь немецкий язык господствовал почти наравне с испанским. Стало быть, арсенал Лены позволял ей не монотонный отдых в отеле, а полноценное знакомство с новым для нее миром природы, людей и культуры. Язык не только до Киева, но и до Пуэрто Моган доведет. Стоит лишь им пошевелить.

Первого числа будоражащего месяца апреля Лена приземлилась в промежуточном пункте своего путешествия – в огромном аэропорту Мюнхена, где жил Рихард.

Весна в Германии уже вошла в силу, и об этом всегда прекрасном событии возвестила Лене сухая бетонная посадочная полоса. Светило солнце, билось сердце, хотелось напевать.

Спускаясь по трапу, Лена засмотрелась на альпийский пейзаж и оступилась левой ногой, что с детства для нее означало прибыток удачи. Не помешало бы – ведь она пустилась в путь, не забронировав никакого отеля. Рихард заверил – по прилете они вместе позвонят некой даме, живущей несколько лет на Гран Канарии, и та все устроит. Не зря же она русская по национальности, как и Лена. Экая удача! А тут еще и левая нога – так что жди следующей порции.

Бюргерское, баварское брюшко Рихарда Лена выхватила из толпы издали. Такие животы отрачивают почти все любители немецкого пива. Но предметом гордости Рихарда это место не являлось. В его облике превалировали усы а-ля Сальвадор Дали. Уход за усами замечал Рихарду хобби. Когда он по утрам скреплял пенкой их кончики и подкручивал наверх, у него неизбежно поднималось настроение. Если бы не этот утилитарный эффект, Рихард, возможно, давно бы побрился: ленца в его характере все-таки присутствовала. Без усов вся нагрузка падала бы на брюшко. А так усы отвлекали и уравнивали облик забавного, коренастого холостяка.

– Лена! Тебя не узнать. Привет!

– Минус десять кило, сама удивляюсь.

– А ты и пухленькая была прекрасна.

– Не знаю. Это все – на любителя, так сказать. С медицинской точки зрения, теперешний мой вес мне больше подходит.

– Ну, что – по пиву?

– Тебе отказать трудно, старик, – вздохнула Лена артистично.

– У нас времени много. Ты улетаешь в пять пятьдесят утра, извини. Зато всего сто марок – и ты на Ла Пальме.

– Это где? Ты куда мне билет забронировал? На Канары ведь просила...

– Это и есть Канары. Семь островов, Ла Пальма – самый зеленый и очень красивый. Оттуда доплывешь на пароме до Тенерифы, одну ночь там передохнешь и утром третьего числа поплывешь себе на Гран Канарию. Часа полтора открытого океана – прекрасно. Уверен, что в тягость тебе этот план не будет, я сам так делал, и получилось замечательно. Особенно с учетом того, что ты первый раз туда собралась. Каждая деталь будет в новинку. Ты же всегда умела ценить мгновение.

– Да... А если несостыковка где-то?

– Нет, рейсы паромов регулярные, прилетаешь ты утром, так что везде успеешь. Ла Пальма маленькая. Возьми рейсовый автобус, прокатись и двигай дальше. Не бойся, там не джунгли. И немцев полно. Если что, скажи, что ты – любимая галеристка Гельмута Коля.

– Рихард! Тогда ты – любимый славист Михаила Горбачева!

– Ну, вот и определились. Дружба – фройндшафт, – захохотал Рихард, и его завинченные усы взлетели к вискам.

Мюнхен буржуазно благоухал. Чистый, несколько чопорный, в цветах на окнах домов и на ратуше, в кружевах белоснежных занавесок, в булыжниках мостовых, в запахах свежей выпечки и молотого кофе знаменитого кофейного магазина «Дальмайер», в роскошных витринах ведущих домов моды, в баварской атмосфере добродушия, город казался Лене городом-курортом, где нет приюта душе трудолика. Где поджаренная на гриле сосиска и кружка янтарного пива, стоящая перед Леной на деревянном столе в пивной, олицетворяет собой тихое сиюминутное счастье. Да еще рядом с другом студенческих лет. Вот уж действительно – спасибо упомянутым Колю и Горбачеву за то, что подняли «железный занавес». Видеть мир – неотъемлемое право гражданина каждой страны. И как мы раньше жили? Какие там Канары...

Рихард сделал для приезда Лены все, что было в его силах, начиная с приглашения и оформления бизнес-визы на месяц. Его связи простирались далеко за пределы Германии.

Они виделись недавно в Москве и сэкономленное на пространных разговорах время использовали теперь в Мюнхене – для посещения трех заметных галерей, дабы Лена могла подглядеть, как ведут нехитрый бизнес немецкие ценители искусства – вдруг пригодится.

Рихард, время от времени подкручивающий свои выдающиеся усы, сходил за художника, но от общения уклонялся. А Лена познакомилась в одной из галерей с хозяйкой по имени Ясмин и спонтанно предложила ей выставить у себя несколько работ российских художников. Но утонченная и стильная Ясмин, похожая на Жиль Зандер, пропустила имена художников мимо ушей, живо воскликнув:

– Москва – это моя мечта! И Санкт-Петербург... Вот мои координаты – давайте держать связь.

– Непременно, – согласилась не менее возбужденная Лена.

Рихард предложил зайти в Пинакотеку, но поскольку искусство уже лезло у Лены из ушей, идею она мягко отвергла.

Вечером, у Рихарда дома, Лена вошла, наконец, в контакт при помощи телефона с той самой русской, что жила на Канарах.

Женщину звали Инна. Она была на пять лет старше Лены, на порядок бойче, и уже в начале разговора предложила перейти на «ты».

– Мне Рихард всё объяснил, так что не волнуйся. Меня можно считать старожилом, я тут уже десять лет живу. Я прозондировала почву, завтра мне отзвонят по поводу апартаментов. На крайний, совсем крайний случай, остановишься у меня, но ложе будет почти Прокрустово – только у меня под боком.

– Инна, мне не хотелось бы стеснять... – сочла нужным сказать Лена.

– Да ладно! Свои люди. Ерунда все это. Ты же не навечно сюда. На сколько дней-то?

– На две недели – максимум.

– Ясно. Значит, завтра будешь? Запиши телефон мой и позвони, когда приземлишься. У меня машины нет, но я попрошу друга тебя встретить. Слушай, а ты замужем? – спросила Инна неожиданно.

– Нет, разведена. А что?

– Да меня приятель один как раз просит познакомить его с русской женщиной. Это его идея-фикс. Просто умоляет.

– Ну, не со мной же просит.

– Он вообще просит, но тут, видишь, как масть ложится – ты сюда летишь!

– А кто, испанец?

– Немец, но живет здесь месяцами, только на лето к себе в Гамбург сваливает. Ты же не будешь против, если мы все вместе сходим поужинать в шикарный ресторан? Он меня стабильно раз в неделю приглашает.

– Какой добрый... – усмехнулась Лена.

- Он – миллионер, настоящий.
- Инна, я вообще-то не за этим еду. Мне хочется отдохнуть как следует.
- Так одно другому не мешает, – хохотнула Инна. – Знаешь, что? Перезвони мне через полчаса? У тебя какого цвета глаза?
- Серого... – несколько растерялась Лена.
- А волосы светлые?
- Ну... я как бы блондинка...
- Отлично! И стройная наверняка. Просто под заказ! Жду твоего звонка, с нетерпением.
- Подожди, Инна, у вас какая погода?
- У нас – лето! Бери короткую юбку! И сделай маску для декольте! Все будет классно!

Лена положила трубку, уверенная, что лихая соотечественница обаятельно позабавилась первоапрельской шуткой. Канары с миллионером впридачу – тема из разряда неумных фантазий. В существование Канарских островов Лена верила, хотя бы потому, что видела их на карте мира. А вот ни одного миллионера за руку не держала. Некоторые ее клиенты отличались богатством, однако не того пошиба. Допуская, что таковые в природе все-таки есть, она никогда на полном серьезе об этом не задумывалась. Миллионеры казались ей истребителями: невидимые, они где-то там за облаками летали на сверхзвуковой скорости, пугая звуком и оставляя лишь быстро тающий след...

Перезвонив Инне через полчаса, Лена услышала продолжение щекотливой темы:

- Я уже с ним поговорила. Он сильно заинтересовался. Но ты не напрягайся – не захочешь общаться, не будешь. Посидим в ресторане, да и все.
- Ну, если это ни к чему не обязывает...
- Не бойся, он же не азербайджанец. Ты что, с мужчинами никогда не знакомилась, не пойму?
- С миллионерами – нет.
- Да все одинаково! Только кошельки и понты разные, – засмеялась Инна. – Запиши его телефон. Позвони ему заранее, как прилетишь. Он сказал, что с удовольствием тебя встретит. Опишешь ему себя. Основные твои параметры я уже осветила.
- Ладно... А, может, ты тоже подъедешь?
- Да не волнуйся, он тебя не съест. Он – вегетарианец. Кстати, у него знакомая квартира сдается, и он обещал тебя там поселить. Мой вариант пока не отвечает. Ну, все, хорошего тебе к нам полета! До встречи на Гран Канарии. Ура!

Лена пришла на кухню, где в свете теплого абажура сидел Рихард, и рассказала о разговоре. Пассаж про миллионера она решила опустить – в силу его нереальности и чистой авантюры.

Спать они легли поздно, но в четыре утра по-немецки пунктуально выехали в аэропорт на подержанном, перекрашенном в экспансивный фиолетовый цвет «Порше» Рихарда. попрощались легко, с надеждой на скорую встречу.

В полете Лена долго не сводила глаз с монитора, подвешенного над креслами, как раз перед тем рядом, где она сидела. На ярко-зеленом поле с пазлами стран и континентов и обозначением городов белый самолетик медленно продвигался по маршруту, оставляя за собой красную полосу пройденной дистанции. В этом интерактивном самолетике сидела она и остальные пассажиры, с любопытством наблюдая за собой со стороны. Картинка менялась, и на экране появлялись параметры полета: скорость, высота, время в пути. Когда монитор показал северную часть Африки, слева от нее четко обозначились разбросанные в Атлантике крупинки Канарских островов. Самолетик неуклонно целился носиком прямо на них.

Островок Ла Пальма выглядел сверху настолько невеликим, что аэропорт, казалось, занимал половину всей территории. Взлетно-посадочная полоса визуально упиралась в высокую скалу с пышной, густо-зеленой растительностью. Живая «картинка» сверкала солнечным глянецом. Ее хотелось тут же написать маслом и повесить в галерее на самое выгодное место.

Боже, какая теплынь! Солнце показалось Лене веселым и настырным – здесь, как нигде, простор и раздолье для его излучения. Она с наслаждением подставила ему лицо для приветственных поцелуев.

Ла Пальма дышала жизнью, летним зноем, здоровьем, отдыхом и той необычайной отрешенностью от внешнего мира, что возможна лишь на острове в океане. Воздух, сладковатый, насыщенный йодом и пылью цветов, хотелось постоянно втягивать носом, чтобы усилить его воздействие на рецепторы обоняния. А главное – он не был влажным, как на Бали, и это благотворно отражалось на физическом состоянии. Полета словно и не было. Ни ранний подъем, ни смена часового пояса, ни перепады давления в облаках не сказывались на самочувствии Лены. Она ощущала легкость во всем теле и предельную готовность к открытию мира.

Однако подробно осмотреть остров ей не удалось: паром на Тенерифу отправлялся через полтора часа, а следующий – ближе к ночи. Незнакомая местность, несмотря на божественную красоту и покой, не манила к себе столь настойчиво. Лене вполне хватило пути от аэропорта до речного вокзала и небольшой прогулки по окрестностям. Ей пришлось снять с себя не только куртку, но и жакет – при температуре в двадцать шесть градусов на солнце стало по-настоящему жарко.

Небольшой паром, солидного, судя по издаваемым звукам возраста, укачал путешественницу, и она уснула, проснувшись, когда Тенерифа приблизилась к ней на расстояние, равное трапу. Лена прямо-таки вспорхнула по нему с изяществом, присущим небесному созданию.

И здесь царствовали экзотические растения причудливых форм и цветы насыщенных оттенков. На огромных, лопухих кактусах торчали «детки»-отростки, делаая их не отталкивающе-колючими, а притягательно-забавными. Некоторые отростки цвели лимонными и малиновыми, напоминающими календулу цветочками с лаковыми лепестками. «Денежное» дерево росло везде и всюду, обещая местному жителю и случайному прохожему на каждом шагу непрменный приток средств. Пальмы, высокие и тонкие, приземистые и стабильные, украшенные оранжевыми гроздьями обильных семян, помахивали блестящими на солнце опухшими ветвями. Семена можно было смело вешать на шею, в качестве натуральной бижутерии. Кустарники вдоль дороги не отставали от собратьев и цвели – каждый, во что горазд. Алоэ, дикорастущий и мощный, тянулся к ясному небу тонкими трезубцами, с заостренными верхушками похожих на елочку, желтых цветов.

Такое изобилие Лена видела впервые. Остров казался ей одним большим волшебным садом, тем пресловутым Эдемом, открытым для любого желающего – с его неувядающим дендрарием, в котором палитра цвета превосходила палитру радуги.

Ни секунды не думая, она сразу решила здесь остаться, как хотел бы, наверное, каждый остаться в раю. Городок Пуэрто де ла Крус на севере острова, на берегу Атлантики, она бы и выбрала местом своего отдыха, если бы не находился южнее следующий остров, Гран Канария, где ее ждал, как минимум, ужин с новой знакомой Инной и загадочным миллионером-вегетарианцем.

Она прошла от порта пешком, вращая легкой, непокрытой головой – в поисках отеля. Не пропускала ничего, что приковывало взгляд, и несколько раз остановилась у бархатно-бордовых гирлянд незнакомых ей цветов. Они щедро стекали по заборам и стенам белых домиков, и Лена посетовала на себя самое, что не взяла с собой фотоаппарат.

Увидев наконец-то вывеску трехзвездочного отеля, она напрямик направилась к нему, уверенная заранее, что тут и поселится.

Вход украшала кафельная мозаика в виде ковра: синий с нежной терракотой переплетались в этнический узор, наверняка испанского толка.

Номер стоил восемьдесят евро с завтраком. Начало «разврату» по Шукшину, продекларированному в фильме «Калина красная», было положено. Народу, правда, не было, но от взбудораженной толпы Лена и в Москве устала. К тому же, она уже научилась наслаждаться в одиночку.

Телефон-автомат цвета морской волны словно напоминал, что Лена находится неподалеку от водной стихии. Со свойственной этой стихии непредсказуемостью, автомат проглотил доверенную ему монету. Другой разменной валюты у Лены не нашлось, и она, довольная найденным ночлегом, отложила звонок Инне и миллионеру до завтра.

Пляж, до которого оказалось рукой подать, затаился в бухте. Укрошенная с двух сторон стального цвета камнями, кромка океана не бушевала высокой атлантической волной, которой Лену пугал Рихард.

Желтый песок был мокрым, поэтому Лена устроилась на прогретых за день камнях, как это сделали некоторые. Распрямив спину, раскинув руки и вытянувшись, она буквально растеклась по камню и почувствовала себя не то замеревшей ящерицей, не то слившимся с природой хамелеоном. Вот оно, счастье. Шум мягкой волны и восклицания чаек, как звукоряд мечты, окончательно подтвердили, что предыдущие девять месяцев ознаменованы достойнейшим образом.

На следующий день Лена дозвонилась до Инны, и та эмоционально защебетала:

– Так! С прилетом! Миллионера зовут Манфред. Он ждет твоего звонка!

– Инна, а может, я сначала поселюсь, приду в себя...

– Нет, он сказал, что поселит тебя в хорошем месте. И готов встретить тебя. Не менжуйся!

– А он в курсе, что я уже прилетела?

– В курсе, в курсе! Записывай телефон...

Выдержав некоторую паузу, Лена набрала телефон Манфреда.

Он ответил не сразу – наверное, поправлял галстук.

– Добрый день, господин Манфред! Меня зовут Лена.

– Добрый день, госпожа Лена! Рад приветствовать. Вы уже в аэропорту? Инна сказала, что Вы прилетаете сегодня.

– Нет, я уже третий день здесь.

– Третий...? – удивился миллионер.

– Да, и буду на Гран Канарии только завтра. Вам удобно меня встретить вечером?

– Да, но... А почему Вы на другом острове? Инна сказала, что Вы летите сюда.

– Так вышло, что я приземлилась на Ла Пальме, и слава Богу! Мне интересно перемещаться с острова на остров.

– А... Так где Вы сейчас? – в голосе миллионера послышалось недоумение, словно Лена совершала неадекватные действия.

– На Тенерифе. Так Вы меня встретите, Манфред?

– А какого цвета у Вас глаза? – вдруг спросил мужчина невпопад.

– Серые, а что?

– Нет, ничего... – промямлил миллионер. – Во сколько Вы будете и где точно?

Уточнив время и место встречи, Лена облегченно повесила трубку. Все-таки миллионеры – народ отягощенный.

Миллионер, коего навязывала Лене Инна, заведомо не увлекал воображение женщины, привыкшей во всем полагаться на собственные силы. Пусть встретит, так и быть, но дальше она "сама-сама-сама".

Приехав в порт Санта-Крус, Лена без проблем приобрела билет на ближайший паром и поплыла навстречу приключениям.

Телефон Инны странно молчал. Оставалось надеяться, что миллионер сдержит слово и встретит ее в половине седьмого вечера на портовом причале острова Гран Канария. Для удобства узнавания себя, она надела все белое: брюки, блузку, балетки. На плечи небрежно набросила кремового цвета джемпер.

Чайки не долетали до середины Атлантики, ветер гулял в других пределах, и ничто не нарушало покоя мощной стихии. Утомительно ровный горизонт походил на первые пробы художника без полета фантазии. Лена дремала в кресле у иллюминатора и только по встающим с мест пассажирам догадалась, что прибыла на Гран Канарию.

Несколько раз поправив волосы, она усмехнулась: миллионер – не король Испании, конечно, а волнение-то тут как тут: женское тщеславие не дремлет...

Причал, на который она ступила, оказался подозрительно пуст. Пассажиры мгновенно рассортировались по орбитам, и Лена осталась стоять одна. Вся в белом.

Прошло минут двадцать. Она уже прикидывала, что предпримет в крайнем случае, как вдруг к ней медленно, на бесшумных тормозах, приблизился болотного цвета лимузин "БМВ". Откинувшись на кремового цвета кожаное сиденье, держа правую вытянутую руку поверх руля, в нем восседал красивый холеный мужчина. Белая рубашка-поло на стройной фигуре оттеняла бронзовый загар. Дорогие солнцезащитные очки и безукоризненная стрижка не оставляли сомнения, что перед Леной – тот самый миллионер. Вот это сюрприз! Первый раз в жизни она видела эталонный экземпляр миллионера. На вид ему было не больше пятидесяти.

Поравнявшись с Леной, водитель приоткрыл окно и спросил на прекрасном немецком:

– Извините, Вы – Лена?

– Манфред? – не скрывая радости, задала женщина встречный вопрос и добавила:

– Рада, что Вы нашли время!

Чуть помедлив, мужчина снисходительно улыбнулся красиво очерченным ртом:

– Нет, меня зовут Бальц. Бальц Бальмер. Я – друг Манфреда. Садитесь, пожалуйста, я все объясню...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.